

• КНИГА НЕДЕЛИ

Известия 2000 - 8 авг. - с. 10

Сто тысяч поцелуев от Моцарта

Вышла книга писем великого композитора

Для российского читателя выход этой книги, выпущенной издательством «Аграф», — если не сенсация, то, во всяком случае, приятный подарок. В то время как письма Бетховена, Шопена, Равеля, Дебюсси, Брамса, Вагнера публиковались в больших количествах и порой выдерживали по несколько изданий, то венский гений такой чести почему-то не удостоился: моцартовские письма издавались очень выборочно, в контексте различных биографий, но никогда — отдельным сборником.

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ

В том, что письма Моцарта долго не издавались, была, однако, и своя положительная сторона — часто эпистолярное наследие композитора развенчивает сложившийся миф или как минимум стирает привычную позолоту с образа. Читая, к примеру, письма Вагнера, невозможно отделаться от мысли, что эти пафосные вычурные строки писались в расчете не столько на конкретного адресата, сколько на армию поклонников (и ведь каким гениальным провидцем оказался Вагнер!).

В случае с Моцартом такого не происходит. Сказочный образ вундеркинда, затем романтичного юноши и, наконец, сложившегося гения (продолжающего оставаться в жизни тем же самым ребенком) дополняется новыми чертами, но не теряет своей непопстижности. Жизненный путь композитора прослеживается если не полностью (все письма заняли бы четыре тома), то, во всяком случае, довольно подробно. Будто невзначай, юный музыкант в письмах к сестре, отцу, матери,

жене дает картину нравов целой эпохи, присовокупляя в конце каждого послания от тысячи до ста тысяч поцелуев.

Фантастическая память Моцарта запечатлевает десятки имен, лиц, характеров, мест, звуков, причем эта информация не льется на читателя потоком сознания, а подается размеренными порциями, изящно и с юмором. В письмах к своей кузине, которые в Австрии не хотели публиковать — из-за непристойности их содержания, — Моцарт сыплет бранными словами, радуясь отсутствию бдительного отцовского ока, что совсем не делает его пошляком — двадцатилетний юнец с одинаковым восторгом может описывать прелести своей родственницы и новый подаренный ему клavier. На одной странице удивительным образом уместаются философские сентенции и житейские слоганы: сначала Моцарт обсуждает с сестрой достоинства новой оперы Йомелли или фуг Баха и Генделя, а через три строчки со смехом рассказывает о расстройстве желудка у принцессы государства N, из-за которого сорвался важный прием, на котором он должен был играть.



Если Петр Ильич уезжал за вдохновением в Клин, Гоген — на Таити, а Лист — в монастырь, то Моцарт черпал его из реальной жизни, ибо для него сочинение музыки было такой же естественной и необходимой частью существования, как, например, еда. Во время многочисленных путешествий сочинять Моцарту приходилось урывками, что его совсем не смущало. Например, находясь в миланской гостинице, 16-летний гений пишет сестре в Зальцбург: «Над нами скрипач, под нами еще один, рядом с нами учитель пения, который дает уроки, в последней комнате напротив нас го-биост. Это весело, когда сочиня-

ешь! Подает много идей». Рождение таких идей из воздуха обыденной жизни гениально отображено в формановском фильме «Амадеус» по пьесе П. Шеффера, когда знаменитая ария мести Царицы Ночи появляется из слезливой истерики дуры-тещи.

Единственное, чего не найдет читатель в письмах Моцарта, — это ключа к разгадке его по меньшей мере странной кончины. Письма последних двух лет, которые, кстати, представлены весьма скудно, никак не проливают свет на таинственный ход событий. Нигде нет ни слова о масонской ложе и интригах императорского двора, есть лишь обращения к друзьям с просьбой одолжить ему денег, причем суммы раз от раза становятся все внушительней, а в письмах к жене Моцарт все больше жалуется на усталость и хворь. О смерти Моцарта, впрочем, на русском языке можно прочитать гораздо больше, чем о жизни, — от «Моцарта и Сальери» Пушкина и Дэвида Вейса с его романами «Возвышенное и земное» и «Убийство Моцарта» до знаменитой книги «трех врачей», обнаруживших некий заговор вокруг композитора, в котором участвовало все его окружение, включая жену. Поэтому рассказы о «человеке в сером», медленнодействующем яде и отравителе Сальери все вроде наелись. Настала пора почитать о жизни Моцарта, а лучшего биографа, чем сам композитор, и представить себе нельзя.